

Г.С. Поповкина*

ИНДИЯ ГЛАЗАМИ РУССКОГО МИССИОНЕРА АРХИМАНДРИТА АНДРОНИКА (ЕЛПИДИНСКОГО)

В статье реконструируется портрет Индии, как его видит представитель русской культуры, на основе книги архимандрита Андроника (Елпидинского) «Восемнадцать лет в Индии», которая представляет собой записки миссионера и посвящена описанию Индии первой половины XX в. Несмотря на элементы субъективности и индивидуальную специфику восприятия архимандрита Андроника, эта книга дает отчетливое представление о культуре, повседневной жизни индийцев, религии, обычаях и мировоззренческих установках, бытовавших в этой стране в первой половине – середине XX в.

Ключевые слова: Индия, миссионер, христианство, записки путешественника, архимандрит Андроник (Елпидинский)

India in the travel notes of the Russian missionary Archimandrite Andronicus (Elpidinsky). GALINA S. POPOVKINA (Institute of History, Archaeology and Ethnography of Peoples of Far East, Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences)

The article reconstructs the portrait of India, as it is seen by a representative of Russian culture, basing on the book of Archimandrite Andronicus (Elpidinsky) «Eighteen years in India», notes of a missionary devoted to the description of India in the first half of the 20th century. Despite the elements of subjectivity and Archimandrite Andronicus' individual perception, this book gives a clear idea of the culture, everyday life, religion, customs and attitudes of Indians that existed in this country in the early to mid 20th century.

Keywords: India, missionary, Christianity, travel notes, Archimandrite Andronicus (Elpidinsky)

Введение

В настоящее время изучение Индии в России ведется на высоком уровне. Имеется множество академических работ, посвященных различным аспектам индологии: особенностям традиционной социальной организации [13], конфессиональному составу населения [4; 6; 10], истории христианства в Индии [1; 11; 12; 14], русско-индийским литературным связям

[7; 16] и т.д. Многосторонние исследования индийской культуры представлены в продолжающемся издании МАЭ РАН «Зографский сборник». Отдельное направление исследований представляет собой история изучения Индии в России [5; 8]. Однако академическое изучение Индии не исчерпывает всей полноты культурных связей, формирующих представления об Индии в сознании рядовых россиян. Не мень-

* ПОПОВКИНА Галина Сергеевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела этнографии, этнологии и антропологии Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН.

E-mail: galina.popovkina@gmail.com

© Поповкина Г.С., 2022

шее, а, может быть, и большее значение имеют произведения художественной литературы в жанре записок путешественника или травелоги [9]. Пожалуй, первым и наиболее известным произведением такого рода было «Хождение за три моря» Афанасия Никитина, в котором переплелись вполне реальные сведения и мифологические представления об этой стране [15]. Цель данной работы – эксплицировать портрет Индии так, как его видит представитель русской культуры, используя в качестве источника книгу архимандрита Андроника (Елпидинского) «Восемнадцать лет в Индии», которая представляет собой записки миссионера и посвящена описанию Индии первой половины XX в. Этот портрет, безусловно, будет содержать в себе какие-то штампы и стереотипы, соответствующие времени написания и социальному статусу автора и порой выходящие за границы современной политкорректности.

Архимандрит Андроник (Елпидинский) провёл в Индии 18 лет (1931–1948 гг.), посвятив эти годы установлению тесных отношений с индийскими христианами разных конфессий. Его труд «Восемнадцать лет в Индии», по своему жанру напоминающий дневник путешествия, был издан в 1959 г. в Аргентине, а в России он впервые увидел свет лишь в 2012 г. Идея посетить Индию и сделать все возможное для соединения индийских христиан с православными появилась у Андрея Елпидинского, будущего архимандрита Андроника, еще в 1916 г., когда он учился в Олонецкой духовной семинарии. Первая мировая война и последовавшие за ней революционные события в России не дали возможность продолжить духовное образование. После тяжелой жизни в Финляндии и Германии в 1925 г. в Париже он был пострижен в монахи. В 1931 г. он отправился из Марселя на Цейлон, некоторое время останавливался в разных районах Индии, а чуть позже поселился на высоком холме в центре Траванкора [2]. Его миссионерская работа не принесла сколько-нибудь заметных плодов: не состоялось ни объединения православных и индийских христиан, ни обращения индийцев в православие.

Однако проведенные в Индии годы нашли отражение в книге архимандрита Андроника. Эти записки, с одной стороны, носят автобиографические черты, с другой – имеют вид этнографических дневников и размышлений об истории Церкви. Арх. Андроник долгое время жил и проповедовал среди индийцев, а свои

наблюдения, как умел, записывал в дневниках. Во многом, видимо, его подвигала на этот труд природная любознательность и неравнодушие, о чем сам арх. Андроник пишет: «...Кочуя из страны в страну и что-либо делая на церковном поприще, я всегда старался узнать обстановку и психологию людей, их нужды, желания, заботы» [3, с. 165–166]. Несмотря на то, что главная цель книги – показать религиозную ситуацию в Индии, русский монах фиксировал в ней все, на что было обращено его внимание или что произошло с ним. Совершенно очевидно, что записки архимандрита Андроника содержат богатые сведения о культуре Индии в недавнем прошлом. Не перегруженное этнографическими терминами и теориями, повествование русского монаха дает отчетливое представление о культуре, повседневной жизни индийцев, религии, многих обычаях и мировоззренческих установках, бытовавших в этой стране в первой половине – середине XX в. Кроме того, эта книга – прекрасная иллюстрация того, каким образом иная культура воспринималась человеком религиозным, занятым миссионерскими целями. Для реконструкции образа Индии, представленного в работе архимандрита Андроника, попытаемся классифицировать имеющиеся в книге материалы.

Внешний вид и здоровье индийцев

Внешний вид окружавших его людей архимандрит Андроник описывает крайне редко и скупо. Среди индийцев, язычников и христиан, по наблюдениям монаха, есть темнокожие и светлокожие [3, с. 48]. Одно из первых и немногих описаний внешности индийцев создано под впечатлением от поездки с Цейлона в Коимбатур: «...Прежде всего бросилось в глаза то, что мужчины, как и женщины, носят пучки волос на голове, а также и смешение одежды: некоторые были одеты по-европейски, другие в пиджаках, но вместо брюк – кусок материи вроде женской юбки до самой земли». Особенно его поразила местная традиционная мужская одежда – дхоти: «...Большинство же было одето как мы, когда бываем в нижнем белье, и тоже вместо брюк кусок материи; некоторые – полуголые или с небольшим куском материи у пояса» [3, с. 23–24]. Впоследствии арх. Андроник во время строительных работ и сам стал одеваться «как все в Индии»: ходил босиком, а одежда состояла «из куска материи от пояса до колен» [3, с. 147]. В одежде ходили только в общественных

местах, «дома же было все гораздо проще» [3, с. 263–264]. Так, чиновник или учитель на работе должны были носить дхоти и рубашку, женщины – сари, дома же могли быть только в юбке, маленькие дети – без одежды. Причем дхоти арх. Андроник не называет иначе, как «куском материи, обернутым вокруг пояса».

Обычным явлением в Индии было плохое питание. Худоба крестьян обращает на себя внимание архимандрита: «...Все босоногие, бедно одетые, худощавые, очевидно от плохого питания» [3, с. 27–28]. Полуголодное существование влекло физическую недоразвитость детей. Он приводит в пример своего работника Самуила и его сестру, остановившуюся в росте и в 4–5 лет выглядевшую пожилой [3, с. 133]. Судя по всему, забота о здоровье не была характерна для простых индийцев. Брат Самуила погиб, так как после укуса кобры не стал ничего предпринимать для облегчения ситуации, полагая, «что это ничего особенного» [3, с. 141].

Традиции питания

Архимандрит Андроник описывает традиции питания индийских христиан, у которых основу рациона составляют рис, кокос и другие орехи, много острых приправ и в небольших количествах мясо и рыба. Местная природа способствует несложному ведению хозяйства: «При теплом климате, где у некоторых почти совсем нет одежды, где хижины нужны только для защиты от дождя и солнца, а не от холода, где плодовые деревья круглый год дают плоды, а тапиока растет при очень небольшом уходе, – людям в крайнем случае можно жить, как птицам небесным. Некоторые так и живут» [3, с. 269]. К отсутствию столовых приборов русский монах так и не привык и пользовался во время еды ложкой. При описании блюд он не использовал местные названия: «Если хозяин дома беден, гостям предлагаются только листья с какой-то белой мазью для жевания. Более состоятельные хозяева угощают фруктами, местным печеньем и кофе» [3, с. 100]. Гораздо подробнее рассказывается о растениях, которые он выращивал: фасоль, баклажаны, тапиока, похожий на картофель овощ келяня, качиль, ямб, овощи чена и темпе, бананы, ананасы, папайя, деревья джак-фрут, манго и каша нат, кокос [3, с. 121–124]. Однако при возделывании растительных продуктов в тропиках приходилось соблюдать осторожность: «Из-за микробов, как мне говорили, там нельзя культивировать не-

которые растения. В жарком климате микробы способствуют быстрому гниению продуктов, а также болезням людей и животных» [3, с. 114]. Проблема болезней обозначается почти сразу после приезда миссионера в Индию. Встречавший его товарищ, «уроженец Донской области», предупреждает: «Первое правило для белых в Индии – ничего не покупать съестного у индусов. Они так грязны, что очень легко заразиться» [3, с. 26].

Занятия и материальная культура

Архимандрит Андроник хорошо обрисовывал те стороны жизни индийцев, с которыми сам сталкивался. Так, на страницах его книги можно найти описание дома, который ему построили местные жители: «Они из срубленных здесь же столбиков и палок сделали стойки и стропила, обтянули все кокосовыми листьями и дом был готов. Длина дома была три метра, ширина – два метра... Домик со всех сторон был плотно закрыт кокосовыми листьями, окон не было; входя в единственную дверь, нужно было сгибаться, а стоять можно было только посередине дома. У двух стен крыша спускалась ниже плеч. Пол, конечно, был земляной, и на нем в виде ковра лежал еще один сплетенный кокосовый лист. От дождей, ветров и солнца дом этот был достаточной защитой» [3, с. 107–108]. Внутри было такое же нехитрое убранство: «Вся мебель состояла из двух досок-горбов, служивших мне и кроватью, и сиденьем, и столом» [3, с. 107].

Живя на вершине горы Мадура маля, русский монах занимался сельским хозяйством: выращивал съедобные растения, разводил коров. Он рассказал, что на горе была плодородная земля, но прежде, чем возделывать что-либо, приходилось делать террасы, иначе «при сильных дождях разрыхленная земля со склонов быстро смывается под гору»: «Строя террасы, местами я добавлял на них землю, углубляя места посадок, благодаря чему получал хорошие урожаи» [3, с. 121]. Однако отмечает, что мало где строятся террасы, земля индийцами обрабатывается небрежно, и из-за частых ливней уносится потоками. Между горами и холмами уход за землей ведется только на равнинах и в низинах. Исключение составляют рисовые поля, «заливаемые во время дождей многочисленными потоками. Обрабатываются и удобряются они хорошо, почти все дают два урожая в год, и всегда бывает радостно видеть то веселые всходы риса, выступающие из воды, то налива-

ющиеся колосья, обещающие урожай, то самую жатву, когда подсохшие поля полны людей, в радостном настроении убирающих урожай» [3, с. 157–158]. На сухих ровных местах около рек выращивали сахарный тростник, из которого делали «сгущенный сахар». Архимандрит Андроник довольно подробно описывал этот процесс: «Зрелые стебли, такие же, как кукурузные, при уборке тут же на поле пропускаются между двумя валами. Текущий сок собирается в большие чаны и тут же переваривается. Сладкую светлую жидкость нельзя недоваривать, чтобы не осталась слишком жидкой, но нельзя и переваривать. Специалисты снимают ее с огня, когда она становится густой, но сохраняет текучесть. Недорого покупал я жестяные банки по 60 фунтов такого сгущенного сахара и 3–4 месяца пользовался этим здоровым, вкусным и нужным при работе продуктом, даром местной природы...» [3, с. 158].

Миссионер заметил, что рыболовство также является для индийцев средством к существованию. Добытый улов они переносят, как и другие тяжести, на голове в населенные пункты, иногда находящиеся в 30 милях от берега [3, с. 159]. На Мадрасе монах обратил внимание на необычных рыбаков, которые уходили далеко в море на нескольких соединенных друг с другом бревнышках с парусом: «Выйдя на берег, они разбирают бревна и выбрасывают их на пляж сушиться, чтобы при следующей поездке снова спустить их в воду и строить плот. При сильной волне, рыбаки, конечно, бывают постоянно мокрыми, но жара их тут же подсушивает. Ловят они обычно 3–4 рыбы, фунтов по 10–15 каждая» [3, с. 352–353].

Подспорьем в жизнеобеспечении для индийцев был сбор меда диких пчел. Действие происходило ночью. Для этого «резервуар с медом» прокалывали палкой с привязанной веревкой, по которой потом стекал мед. Пчел же в это время «палили огнем» [3, с. 103–104]. Были в Индии и «правительственные» пчеловоды [3, с. 104].

Довольно подробно описаны в книге архимандрита Андроника особенности некоторых ремесел в Индии. Так, индийцы были мастерами по изготовлению деревянной мебели (особенно хорошей была мебель из тика), украшений и утвари из металлов: «При мне индусы сами делали медные сосуды разных форм и размеров, украшения из меди, серебра и золота волам и людям, но больше всего для женщин. Можно было дешево купить хорошие ножи, звонки,

замки местной кустарной работы» [3, с. 110, 284]. Архимандрит Андроник акцентирует внимание на «большой разнице» между рабочими специалистами по дереву, каменщиками и кузнецами. По его мнению, мастера работы по дереву более искусные и ответственные, чем каменщики: «...Столяры и плотники очень точны в работе и гораздо честнее других рабочих. Работая по большей части только стамесками, сидя на земле, они ступнями или пальцами ног прижимают дерево к лежащей на земле доске, выполняя работу замечательно точно по какому угодно чертежу» [3, с. 283]. С другими рабочими ему приходилось гораздо труднее: «Нужно внимательно следить, чтобы все было сделано, как нужно, иначе легко будет испорчен материал, и работа не будет выполнена» [3, с. 283]. Также в Индии был распространен тяжелый неквалифицированный труд, часто так работали и дети [3, с. 160]. Русский миссионер почти не описывает орудий труда индийцев, исключение составляет «кундали» – «мотыга с узким лезвием, фута полтора длиной, и с длинной ручкой. Подняв высоко над головой, рабочий с большой силой ударяет ею в землю. Кундали глубоко разрыхляет землю, перерезает и выкорчевывает корни» [3, с. 154].

Характер индийцев

Довольно много внимания в книге архимандрита Андроника уделено описанию характерных черт поведения индийцев. Так, уже на первых страницах встречается заметка о его попутчиках, сопровождающаяся выводами в целом о характере индийцев: «брамине», обладавшем огромным самолюбием, «которое, как оказалось, весьма характерно для индусов высших каст» [3, с. 16], и «индусе-магометанине», говорившем о желании своем и своих близких принять христианство, но впоследствии так и не ответившем на обращение русского миссионера: «Судя по последующему опыту, такие обещания, которые можно не исполнить, делаются ради какой-нибудь выгоды или просто для приятности разговора» [3, с. 17]. Русские поселенцы, прожившие в Индии уже не один год, предупреждают недавно приехавшего русского монаха о «вороватости» и нечестности местного населения [3, с. 27, 28]. В более поздний период своего пребывания архимандрит Андроник сам неоднократно сталкивался с кражами: «Громадным злом в отношении фруктов и вообще, с которым я оказался не в силах бороться,

является воровство. ...Воровство бывало таково, что я всегда рассчитывал на потерю значительной части урожая. ...Бывали случаи воровства пищи из горшков даже во время варки; воровали пуговицы от одежды, фитили из керосиновой лампы. Хорошо, что некоторых вещей, как, например, орудия для обработки земли и для работы с камнями, воры не брали. Особенно они охотились за деньгами» [3, с. 124–125]. Он неоднократно приводит и другие примеры воровства [3, с. 30 и др.]. Нечестность, по мнению монаха, была одинаковой и среди язычников, и среди христиан: «Нечестность в материальных делах – это, пожалуй, область, где – в плохом – христиане и язычники Индии походят друг на друга больше всего. Но и в этой области, как и в семейных отношениях, влияние христианства огромное» [3, с. 266–267]. Очень коротко архимандрит Андроник говорит об обманувшем его прихожанине: «Я дал небольшой задаток Георгию за дом, но ни дома, ни задатка никогда не получил» [3, с. 107]. У русского монаха воровал даже его работник Самуил [3, с. 133]. Однако обращает на себя внимание история, рассказанная знакомой архимандрита А.К. Ирбе, считавшей индийцев нечестными и получившей вместо заказанного совсем другой сорт яблонь. Архимандрит Андроник по этому поводу замечает, что в Индии «у частных садоводов нет слова “нет” для покупателей» [3, с. 28]. Вероятно, индийские продавцы, не желая показаться невежливыми, предпочитали дать любую замену товару, чем отказать в продаже. Возможно, именно разница в культурных стереотипах поведения могла сыграть негативную роль в восприятии индийцев европейцами. В этом отношении заметки русского монаха перекликаются с наблюдениями Афанасия Никитина, высказывавшего очень настороженное отношение к индийским нравам и обычаям: «А здесь люди все черные, все злодеи, а женки все гулящие, да колдуны, да тати, да обман, да яд, господ ядом морят» [15].

Также миссионер сделал вывод о необычайной лени индийцев: «...Работать индусы не любят, и это причина многих их бед. При каждом ударе киркой они издают стон, и когда можно не работать – на чужой ли работе или у себя дома, – они не работают» [3, с. 29–30]. В пример он привел «характерный для индусов случай», когда рабочие, не выполнившие задание хозяина фермы, изображали усталость и хотели еще получить вознаграждение за труд [3, с. 31].

Однако архимандрит Андроник вспоминает об индийцах очень тепло, особенно подчеркивая их бескорыстное гостеприимство: «Можно было бы много сказать об особенностях индийского гостеприимства, в общем же, язычники индусы, и индийские христиане – люди общительные и гостеприимные. ...Несмотря на мою бедноту, гостеприимство мне оказывали от чистого сердца, о чем я вспоминаю с глубокой благодарностью» [3, с. 280]. Индийцы любопытны и общительны: «Первое время, часто целыми группами, приходили индусы смотреть, как я живу» [3, с. 108]; «Жители Индии – люди общительные и любят бывать вместе, разговаривать и слушать других» [3, с. 268]. Архимандрита Андроника интересует влияние христианства на недавних язычников. В противовес наблюдениям о всеобщей нечестности индийцев он замечает образцовые положительные качества индийцев-христиан: «Особенно ценное качество христианских отношений – правдивость, отсутствие лжи; и этому нужно было бы многим поучиться у индийских христиан, равно как и христианскому уважению личности. При разговоре с ними их можно бранить за лень, за всякое неумение и упущения при условии, что этим не переходятся границы уважения к личности собеседника» [3, с. 268–269]. Миссионер подробно описывает состояние Православной Сирийской Восточной Церкви в Индии: церковные таинства и требы, дисциплину, духовенство, паству, праздники, посты, образование и т.д., и старается во всем увидеть позитивное воздействие христианства на обычаи индийцев.

Общественное устройство, религиозность, брачные обычаи

В понимании архимандрита Андроника в Индии существуют высшие и низшие касты. Он рассказывает о знакомстве в начале своего путешествия с представителем высшей касты – «брамином», отличавшимся «огромным самолюбием» [3, с. 16], о низших кастах упоминает, говоря, что «православное христианство и другие вероисповедания больше принимают язычники низших каст, которых индусы до времени Ганди никуда к себе не пускали, да и которые теперь-то здесь не в почете» [3, с. 266]. Еще одна группа в индийском обществе – каникарены, названные о. Андроником «первобытными людьми»: «Даже по сравнению с бедными индусами, каникарены стоят на очень низкой ступени цивилизации: мужчины и женщины

ходят совсем голые; не имея элементарной медицинской помощи, взрослые и, особенно, дети умирают в большом количестве, когда их легко можно было бы спасти» [3, с. 137]. Упоминается «военная каста найеров».

Индийцы религиозны, в чем неоднократно убеждался архимандрит Андроник [3, с. 30]. Однажды его поразило такое наблюдение: «В юго-западном углу фермы, под манго в несколько обхватов, стояла индусская молельня с идолами, перед которыми часто зажигался огонь. В мою бытность на ферме я видел, как, собрав урожай рагги, рабочие слепили из навоза маленьких идолов и расставили на куче зерна. Вообще индусы религиозны – это приходилось часто наблюдать» [3, с. 30]. Русский монах обратил внимание и на характерную черту индийских воззрений – веру в реинкарнацию; эта вера может сильно повлиять на поведение человека: «Несколько предсказателей пророчили, что в следующее перевоплощение он будет свиньей, поэтому он ведет строго аскетический образ жизни, чтобы в будущем не было плохо. Он спит на твердой постели, ест только один раз в сутки. Встав утром, он берет кундали и идет работать» [3, с. 154]; «Веря в переселение душ, индусы стараются не убивать обезьян и змей, вообще ничего живого. Если обезьяны начинают сильно вредить, их ловят, ...отвозят на поезде или автомобиле далеко в лес и там выпускают на волю» [3, с. 120].

Видимо, у индийцев существовала высокая потребность в духовной жизни, чем монах объясняет разнообразие религий, распространившихся в Индии и соединяющихся у местных жителей с природным любопытством и общительностью: «Разноверное окрестное население чувствовало некую духовность моего жития. Со временем моя гора стала местом паломничества для молитвы» [3, с. 161]. Примкнувшие к православию индийцы порой демонстрировали изрядное религиозное усердие, которое все же легко могло смениться вполне земными интересами, как это произошло, например, с помощником архимандрита Андроника Самуилом, который даже выражал желание стать монахом, но стал воровать и тайно женился [3, с. 126–133]. Однако архимандрит Андроник отмечает в индийцах «жажду святости, христианского мира и правды» и утверждает, что слышал в Индии «больше, чем где-либо, исповедания себя христианами, заявления о желании по-христиански жить и воспитывать детей, свидетельства о знании сущности

христианства»: «И это мне доводилось слышать и от старца священника, и от крестьянина, и от учителя, и от банкира. Я бывал у них часто, и свидетельствую об этом» [3, с. 267].

Как отмечает о. Андроник, «особенно характерный факт для индусов – зависимость церковных дел от материальных» [3, с. 55] и «материализм» индийцев: «При бедности и неактивности, при большом материализме жителей Индии, для многих принять религию господ страны, – значило получить службу или работу, иметь привилегии при воспитании детей, пользоваться защитой властей. Соблазн, на который нередко идут многие. В таких случаях низменные побуждения часто стараются прикрыть высокой идеологией» [3, с. 70]. Инославные миссионеры тоже вели свою работу, нередко опираясь на материальный интерес местных жителей: «Легче обращаться внекастовых, бедных, отверженных, но, конечно, больше интереса представляет обращаться православных, подходя к ним, как друзья и благодетели, соблазняя их материальными и другими земными выгодами» [3, с. 288].

В брак в Индии вступали очень рано. По словам работника о. Андроника Самуила, его брат Куты, которому на вид было 10–11 лет, уже три года был женат [3, с. 140]. Архимандрит Андроник был знаком с семьей сирийских христиан-индийцев, где выдавали замуж сразу несколько сестер, среди которых и девочку 10–12 лет [3, с. 233]. Было распространено многоженство: «Эти поля... все принадлежат одному хозяину-индусу... У него 11 жен, которые постоянно из-за него ссорятся между собою» [3, с. 154]. Нередко встречалось и многоженство: «Нараянен говорил, что их мать стара и ей нужна помощница. “Мы бедные и поэтому не можем взять двух жен, поэтому женились двое на одной”» [3, с. 154]. Далее архимандрит рассказал о семействе кузнеца по золоту, у которого «своих достатков было мало»: «Три сына Сорнам Коллен были нормально женаты и имели детей; дочь же, здоровую и красивую девушку, когда ей было лет 20, отец выдал замуж за четырех братьев другого семейства» [3, с. 155]. В другом случае брат, имея на содержании несколько взрослых сестер и желая поправить свое материальное положение, продал одну из них [3, с. 155–156]. «При мне гражданские власти Индии начали борьбу с браками малолетних, – пишет о. Андроник, – но это им не всегда удавалось» [3, с. 233].

Заключение

Итак, мы видим в книге архимандрита Андроника (Елпидинского) портрет Индии, нарисованный яркими, сочными красками, выражающими субъективное восприятие автором индийской культуры и общества. Весьма реалистично и без прикрас архимандрит Андроник рисует картину общества, в котором еще существует кастовая система, население бедно, очень многим приходится тяжело работать. Христианские убеждения Андроника особым образом подсвечивают его восприятие индийской реальности: индийские бедняки, живущие одним днем, описываются у него евангельским эпитетом «птицы небесные». Также миссионер включил в книгу заметки о характере индийцев, явно оценивая их с христианских позиций и, по-видимому, будучи склонным к стереотипам, подчеркивал их «вороватость», лень и описывал недостатки брачных обычаев, допускающих многоженство, многожество и браки малолетних. В целом он делает особый акцент на описании религиозной ситуации в Индии. Тем не менее, несмотря на элементы субъективности и индивидуальную специфику восприятия архимандрита Андроника, его работа содержит ряд ценных сведений о повседневном быте индийцев: простые дома, которые часто напоминают хижину, нехитрая домашняя утварь, скромное питание, основу которого составляют фрукты, рис и приправы. Он не заостряет внимание на этнографических подробностях при описании культуры Индии, совершенно не интересуясь, например, традиционными наименованиями предметов быта и орудий труда, однако его книга дает довольно полное представление об Индии первой половины XX в. и может быть важным дополнением к источникам для изучения индийской культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Альбедиль М.Ф. Христианство в Индии // Христианство в регионах мира. СПб., 2002. С. 6–18.
2. Августин (Никитин), Архимандрит. Русский миссионер в Индии. Архимандрит Андроник (Елпидинский) // Азбука веры. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Avgustin_Nikitin/russkij-missioner-v-indii-arhimandrit-andronik-elpidinskij/
3. Андроник (Елпидинский), Архимандрит. Восемнадцать лет в Индии. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2012.
4. Бабочкина Я.О. Роль индуизма в социальной и политической жизни в Индии // *Novaum.ru*. 2017. № 10. С. 363–366.
5. Волошина О.А. Индийский мечтатель (о путешествии Герасима Лебедева в Индию) // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2013. № 5. С. 114–129.
6. Горохов С.А., Дмитриев Р.В. Формирование конфессионального пространства Индии: опыт историко-географического анализа // Человек: образ и сущность. 2019. № 1. С. 79–96.
7. Денисов Д.В. К вопросу о русско-индийских литературных связях (на материале древнерусской литературы) // Наука и культура России. Материалы VIII Международной научно-практической конференции, посвященной Дню славянской письменности и культуры памяти святых равноапостольных Кирилла и Мефодия. Самара: Самарский государственный университет путей сообщения, 2011. С. 246–249.
8. Загородникова Т.Н. Начало изучения современной Индии в России. Минаев И.П. // *Ориенталистика*. 2018. Т. 1. № 1. С. 82–97.
9. Кислова Л.С., Драчева С.О. Образ Индии в травелоге Марии Арбатовой «Дегустация Индии» // *Филология и культура*. 2016. № 3. С. 107–112.
10. Смирнова Е.В. Религия и политические технологии в Индии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 12–1. С. 189–194.
11. Соловьев С.В. Исторический обзор распространения христианства в Индии // *Поволжский вестник науки*. 2020. № 2. С. 11–14.
12. Солодкова О.Л. Рост христианской общины в Индии и Хиндутва // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Всеобщая история. 2015. № 3. С. 30–39.
13. Успенская Е.Н. Антропология индийской касты. СПб.: Наука, 2010.
14. Филь Ю.С. Особенности христианизации Северной Индии в колониальный период // *Colloquium-Journal*. 2018. № 8–5. С. 12–14.
15. Хождение за три моря Афанасия Никитина // Электронные публикации Института русской литературы РАН. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=5068>
16. Хрущева П.В., Лобанов С.В. Индийские тексты и традиции на российской почве // Актуальные вопросы современной науки. Материалы Международной (заочной) научно-практической конференции. Нефтекамск: Наука и образование, 2015. С. 95–102.

REFERENCES

1. Al'bedil', M.F., 2002. Khristianstvo v Indii [Christianity in India]. In: Bernshtam, T.A. and Shevchenko, Yu.Yu. eds., 2002. Khristianstvo v regionakh mira. Sankt – Peterburg, pp. 6–18. (in Russ.)
2. Avgustin (Nikitin), Arkhimandrit. Russkii missioner v Indii. Arkhimandrit Andronik (Elpidinskii) [Russian missionary in India. Archimandrite Andronicus (Elpidinsky)]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Avgustin_Nikitin/russkij-missioner-v-indii-arhimandrit-andronik-elpidinskij/ (in Russ.)
3. Arkhimandrit Andronik (Elpidinskii), 2012. Vosemnadsat' let v Indii [Eighteen years in India.]. Moskva: Izdatel'stvo Sretenskogo monastyrya. (in Russ.)
4. Babochkina, Ya.O., 2017. Rol' induizma v sotsial'noi i politicheskoi zhizni v Indii [The role of Hinduism in social and political life in India], Novaum.ru, no. 10, pp. 363–366. (in Russ.)
5. Voloshina, O.A., 2013. Indiiskii mechtatel' (o puteshestvii Gerasima Lebedeva v Indiyu) [Indian dreamer (about the journey of Gerasim Lebedev to India)], Vostok. Afro-aziatskie obshchestva: istoriya i sovremennost', no. 5, pp. 114–129. (in Russ.)
6. Gorokhov, S.A. and Dmitriev, R.V., 2019. Formirovanie konfessional'nogo prostranstva Indii: opyt istoriko-geograficheskogo analiza [The making of the confessional space of India: an attempt of historical and geographical analysis], Chelovek: obraz i sushchnost', no. 1, pp. 79–96. (in Russ.)
7. Denisov, D.V., 2011. K voprosu o russko-indiiskikh literaturnykh svyazyakh (na materiale drevnerusskoi literatury) [On the issue of Russian-Indian literary relations (the case of Old Russian literature)]. In: Nauka i kul'tura Rossii. Materialy VIII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi Dnyu slavyanskoi pis'mennosti i kul'tury pamyati svyatykh ravnoapostol'nykh Kirilla i Mefodiya. Samara: Samarskii gosudarstvennyi universitet putei soobshcheniya, 2011, pp. 246–249. (in Russ.)
8. Zagorodnikova, T.N., 2018. Nachalo izucheniya sovremennoi Indii v Rossii. Minaev I.P. [The beginning of the study of modern India in Russia. Minaev I.P.], Orientalistika, Vol. 1, no. 1, pp. 82–97. (in Russ.)
9. Kislova, L.S. and Dracheva, S.O., 2016. Obraz Indii v traveloge Marii Arbatovoi «Degustatsiya Indii» [The image of India in Maria Arbatova's travelogue «Tasting India»], Filologiya i kul'tura, no. 3, pp. 107–112. (in Russ.)
10. Smirnova, E.V., 2015. Religiya i politicheskie tekhnologii v Indii [Religion and political technologies in India], Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki, no. 12–1, pp. 189–194. (in Russ.)
11. Solovyov, S.V., 2020. Istoricheskii obzor rasprostraneniya khristianstva v Indii [Historical review of the spread of Christianity in India], Povolzhskii vestnik nauki, no. 2, pp. 11–14. (in Russ.)
12. Solodkova, O.L., 2015. Rost khristianskoi obshchiny v Indii i Khindutva [The growth of the Christian community in India and Hindutva], Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Vseobshchaya istoriya, no. 3, pp. 30–39. (in Russ.)
13. Uspenskaya, E.N., 2010. Antropologiya indiyskoi kasty [Anthropology of the Indian caste]. Sankt-Peterburg: Nauka. (in Russ.)
14. Fil', Yu.S., 2018. Osobennosti khristianizatsii Severnoi Indii v kolonial'nyi period [The features of the Christianization of North India during the colonial period], Colloquium-Journal, no. 8–5, pp. 12–14. (in Russ.)
15. Khozhdenie za tri morya Afanasiya Nikitina [A journey beyond the three seas by Afanasiy Nikitin]. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=5068> (in Russ.)
16. Khrushcheva, P.V. and Lobanov, S.V., 2015. Indiiskie teksty i traditsii na rossiiskoi pochve [Indian texts and traditions on Russian soil]. In: Vostretsov, A.I. ed., 2015. Aktual'nye voprosy sovremennoi nauki. Materialy Mezhdunarodnoi (zaочноi) nauchno-prakticheskoi konferentsii. Neftekamsk: Nauka i obrazovanie, pp. 95–102. (in Russ.)